

ЛИТЕРАТУРА

1. *Achard, M.* Representation of cognitive structures: syntax and semantics of French sentential complements / M. Achard. – Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 1998. – 377 p.
2. *Broccias, C.* Cognitive approaches to grammar / C. Broccias // *Cognitive Linguistics: Current Applications and Future Perspectives* / ed. by G. Kristiansen [et al.]. – Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 2006. – P. 81–115.
3. *Croft, W.* Radical Construction Grammar. Syntactic Theory in Typological Perspective / W. Croft. – Oxford : University Press, 2001. – 416 p.
4. *Langacker, R. W.* A View of Linguistic Semantics / R. W. Langacker // *Topics in Cognitive Linguistics* / ed. by B. Rudzka-Ostyn. – Amsterdam / Philadelphia, 1988. – P. 49–90.
5. *Langacker, R. W.* Cognitive Grammar / R. W. Langacker // *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics* / ed. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. – Oxford, 2007. – P. 421–462.
6. *Traugott, E. C.* The grammaticalization of NP of NP patterns / E. C. Traugott // *Constructions and Language Change* / ed. by A. Bergs and G. Diewald (*Trends in Linguistics. Studies and Monographs*; 194). – Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 2008. – P. 23–45.

Л. В. Чернышова (Минск, Беларусь)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ *ОДЕЖДА* В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Идея взаимосвязи языка и культуры – основная в современных лингвистических исследованиях, выполненных в русле антропоцентрической парадигмы. Фразеология не случайно стала важнейшим полем изучения человеческого фактора в языке, так как устойчивые выражения – это особые вербальные знаки, наделенные «культурной памятью». В ней «концептуальны не только знания о собственно человеческой, наивной картине мира, но и как бы запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры» [1, с. 8].

В нашем докладе фразеология понимается в широком смысле: кроме собственно идиом и устойчивых сочетаний, принимаются во внимание пословицы и поговорки. При анализе материала мы руководствуемся когнитивным подходом, учитывая, что фразеологизмы «вызывают в сознании образы, связанные с буквальным прочтением языковых знаков, которые могут вступать в противоречие с актуальным значением» [2, с. 37].

Антропоцентричность языка обусловлена принципом, сформулированным в древности Протагором: человек – мера всех вещей. Исходя из этого

принципа при рассмотрении пространственных номинаций, В. Г. Гак утверждает, что они образуют четыре концентрически расширяющихся круга: человек – дом – страна – мир [3, с. 127]. Человек ставит себя в центр мироздания и создает образ мира, являющегося гармоническим единством вещей и людей, интерпретирует его, придавая многим вещам особую культурную значимость.

В пространственном отношении самым близким предметом для человека является одежда. И в собственно номинации, и в символических свойствах семиотического кода, связанного с одеждой, отчетливо проявляется национально-культурный компонент, хотя сам человек, его тело в русской фразеологии, как и вообще в языке, безусловно, важнее всего того, что его окружает: *Была бы кость да тело, а платье сам делай*.

В русской фразеологии не вся одежда культурно отмечена, концептуально только видовое *одежда (платье)*, а также родовое *рубашка / сорочка, кафтан* и *шуба*, значительно реже *сарафан, камзол, армяк, жупан, тулуп, портки*. Эти артефакты (искусственно созданные вещи) обладают утилитарными и символическими свойствами (вещностью и знаковостью), то есть потенциально могут быть использованы и как вещь, и как значение. В русской фразеологии четко отмечено место всех перечисленных предметов по отношению к человеку и их аксиологичность.

Самый близкий, *свой* предмет – *рубашка*: *Своя рубашка ближе к телу*. Рубашка коррелирует с «естественным покрытием» – *кожей*, но по сравнению с ним менее ценна: *Своя кожа рубахи дороже*, а также со смертью, локализирующейся рядом с кожным покрытием: *Рубаха к телу близка, а смерть ближе*. Далее по отношению к телу следует *кафтан*: *Рубашка кафтана к телу ближе* и, наконец, *шуба*: *И кафтан греет, когда шубы нету*. Таково расположение наиболее частотных номинаций одежды по шкале *ближе – дальше, свое – чужое*.

По шкале материальной оценки все наоборот: наиболее дорогим видом одежды является *шуба*, менее ценна *рубашка*: *Лиха беда кафтан нажить, а рубаху и дома сошьют*. Аксиологичность, согласно примерам, зависит от величины усилий, потраченных на приобретение этих предметов гардероба.

Русские наивные представления об одежде энантиосемичны. С одной стороны, она не значима, важен сам человек: *Не жупан пана красит, а пан жупана*. Мироззренческая метафора представляет одежду (как и другие артефакты) *тленом*: *Деньги – медь, одежда – тлен, а здоровье – всего дороже*. Гораздо важнее, как свидетельствует фразеологическая единица, *здоровье*, а также *ум*: *К шубе ума не пришьешь; Встречают по одежке, а провожают по уму* (хотя и здесь энантиосемия *Тот и умен, кто богато наряжен*). В приоритете по сравнению с одеждой *совесть*: *Платье черненько, да совесть беленька* и *еда*: *Голодный и в портках хлеба украдет* (то есть и одетый) и др.

С другой стороны, без одежды прожить нельзя, она даже еды важнее: *Коли нечего на плеча вздеть, так на печи преть; Голодный поле перебежит,*

а нагой – ни с места. Кроме того, как известно, все же по одежке встречают. В принципе для наивного сознания наличие одежды и еды в комплексе – символ благополучия: *Были б хлеб и одежда, так и ел бы лежа.*

Количество и качество одежды определяют уровень благосостояния. Бедность – это когда одежды столько, сколько на себе: *И в мир и в тир одежда одна; Хлеба с душу, денег с нужу, платья с ношу* и др., когда одежда плохая: *Житье скупое платье носит худое; Холодно, на ком платье одно, а двое, да худое – не лучше того* и др. Символ бедности – короткое платье: *Одежка вряд (то есть средней руки, по В. Далю) не обобьет пят; Есть вашей братьи в коротком платье.*

В русском наивном мировидении качество одежды связано с представлениями о приличии: *В рогожу одеться, от людей отречься; Платье чисто, так и речь честна.* Интересно, что сема богатство как наличие одежды эксплицирована слабо. Даже шуба – самый дорогой предмет гардероба – не несет ее: *Зимой без шубы не стыдно, а холодно, а в шубе без хлеба и тепло, да голодно.* То есть, согласно наивному мировосприятию, наличие добротной одежды – необходимость.

Однако ценность одежды все же проявляется в представлениях о ней как об объекте воровства: *Бедному да вору всякая одежда впору; Видит и кривой, на ком кафтан чужой.* Приведенные примеры свидетельствуют, что, по народному мнению, чужое всегда малоценно в моральном плане: *Чужая одежда не надежда, чужой муж – не кормилец; В чужом платье не красоваться.*

В русской фразеологии вид одежды, а также ее качество указывают на гендерную дифференциацию: *Отчего мужик в кафтане, а баба в сарафане?; Молодец в кафтане, девка в сарафане,* а также сословные различия: *По платью видят, кто такой идет; Служить стану – по кафтану.*

Социальное положение связывается и с цветом одежды. У малоимущих она серая: *На мужике кафтан хоть сер, да ум у него не черт съел; Рад Епифан, что нажил серый кафтан* (то есть и этому рад). Богатое сословие наряжается в синюю и зеленую одежду, в русской фразеологии она репрезентирована также как символ щегольства: *Пуст карман, да синь кафтан; Камзолы зеленые, а щи несоленые.* Цвет одежды часто используется как антитеза сущности человека: *Голосиста птишка, да черна рубашка; Рубашка беленька, да душа черненька.*

По мнению русского крестьянина, автора фразеологии, каждый должен держаться своей одежды, то есть своего сословия. Устойчивые сочетания, несущие эту сему, декларативны: *По росту одежку прибирай; По одежке протягивай ножки; Не подстать синему кафтану голубой подбой; Не дай бог владети смердьему сыну собольей шубой!* и др.

Культурная значимость номинаций одежды в составе устойчивых сочетаний подтверждается их эталонностью. Эталон – это то, в чем образно измеряется мир. Чаще всего они существуют в образе устойчивых сравнений, но в принципе эталоном может быть любое соизмерение мира относительно

человека: проявление нормативных представлений о явлениях природы, общества, их качества, свойства. В скрытом виде эталон содержит в себе предписание, он влияет на избирательность и оценку: *Купи постройку крытую, а одежду шитую; Крой новый кафтан, а к старому примеряй; Родился в рубашке; По Ивашке и рубашка; Ему дьявол чванством кафтан подстегал; Шуба прошвы не стоит* и др.

Наш материал показывает, что фразеологизмы, включающие названия одежды, отображают типовые ситуации и представления, выполняют роль символов, эталонов, стереотипов русской культуры, и «именно эта стереотипность, символичность и эталонизированность образного основания фразеологизмов обуславливает их культурно-национальную специфику» [2, с. 250]. Подобное своеобразие присутствует во всех культурах, оно коррелирует с местом проживания, образом жизни, особенностями ее уклада. Сведения об одежде, отраженные во фразеологии, позволяют эксплицировать специфику наивного восприятия этноса, уникальность его менталитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
2. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М. Л. Ковшова. – М. : ЛЕНАНД, 2016. – 456 с.
3. Гак, В. Г. Пространство вне пространства / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 127–135.